

ВѢЧНОЕ

XI

1948

СОДЕРЖАНІЕ.

1. Имена и лики св. Ангеловъ и почитаніе ихъ.
 2. Ангель-Хранитель.
 3. Акафистъ святому Ангелу неусыпаемому хранителю челоуѣческой жизни.
 4. О современныхъ явленіяхъ Ангеловъ.
 5. Задонскій юродивый Антоній Алексѣевичъ.
 6. Святоотеческое толкованіе на Евангеліе отъ Матфея: Мф. 5, 38-41.
-

Отъ Редакціи.

Къ намъ все чаще поступаютъ просьбы о бесплатной высылкѣ журнала для находящихся въ лагеряхъ, для неимущихъ, больныхъ, заключенныхъ, и т. д. Мы радуемся этимъ просьбамъ и стараемся ихъ удовлетворить. Сотни экземпляровъ «Вѣчнаго» уже разосланы бесплатно. Но это связано съ расходами. Поэтому мы очень просимъ всѣхъ помочь дѣлу бесплатнаго распространенія «Вѣчнаго» присылкой денежныхъ пожертвованій.

Всѣмъ тѣмъ, кто уже присылалъ свои лепты на это дѣло, сердечное спасибо.

Цѣна на журналъ повышена до 50 фр. за номеръ.

В Ѣ Ч Н О Е

L'ETERNEL

ежемѣсячный журналъ

Ноябрь 1948 г.

ИМЕНА И ЛИКИ СВ. АНГЕЛОВЪ И ПОЧИТАНІЕ ИХЪ.

Въ ветхомъ и новомъ Завѣтѣ многократно упоминается о св. Ангелахъ, въ бытіи коихъ и здравый разумъ усматриваетъ премудрость и благодать Зиждителя, начало и продолженіе непрерывной цѣпи творенія, нисходящей отъ Бога Духа, «Имже вся быша», до Ангеловъ-духовъ, сотворенныхъ безплотными, и простирающейся до человѣка, въ которомъ духъ облеченъ плотію. Нѣкоторые изъ Ангеловъ нераскаянно пали въ грѣхъ, сдѣлались діаволами и непримиримыми врагами добра, истины и блаженства (2 Петр. 2, 4; Иуд. 6), но побѣждаются вѣрующими о имени Господнемъ (Мк. 16, 17). Св. же Ангелы приближеніемъ къ Богу и созерцаніемъ Его Божественнаго величія утвердились въ добръ и истинѣ, и стали непреклонны ко злу. Они неумолкаемые проповѣдники величія Божія (Ис. 6, 3; Ап. 4, 8), вѣстники воли Божіей для людей (Пс. 102, 16; Мф. 18, 10; Дѣян. 12, 15), и служители «для тѣхъ, которые имѣютъ наслѣдовать спасеніе» (Евр. 1, 14; Ап. 8, 3-4).

И м е н а и с л у ж е н і я св. Ангеловъ Писаніе указываетъ различныя. На этомъ основаніи св. Діонисій

Ареопagitъ, святитель перваго вѣка и первый епископъ афинскій, рукоположенный Ап. Павломъ, въ книгѣ своей: «Небесная Іерархія» изобразилъ св. Ангеловъ въ трехъ ликахъ, раздѣливъ каждый на три чина или степени служенія и приближенія къ Богу.

Св. Архангелъ Михаилъ.

Въ первомъ высшемъ ликѣ, ближайшемъ къ Пресвятой Троицѣ, первый чинъ составляютъ С е р а ф и м ы (Ис. 6, 2). Имя ихъ значить: пламенный, огненный. Непосредственно и непрерывно предстоя Тому, Который «есть любовь» (I Тим. 6, 16), и Котораго престоль есть «пламень огненный» (Дан. 7, 9), они горятъ любовью къ Богу, этотъ огонь любви воспламеняютъ и въ другихъ (Ис. 6, 6-7). Второй чинъ — Х е р у в и м ы (Быт. 3, 24), имя коихъ значить: разумѣніе или вѣдѣніе, потому они называются многоочити. Со-зерцаая славу Божию обладая высшимъ вѣдѣніемъ и мудростію, они наблюдаютъ все твореніе Божіе и другимъ изливаютъ премудрость Божию. Третій — П р е с т о л ы

(Кол. 1, 16), на которыхъ Богъ благодатно и непостижимо почиваетъ (Пс. 129, 2), и которые потому называются Богоносными, не существомъ, но служеніемъ. Черезъ нихъ Богъ являетъ свое величіе и правосудіе (Пс. 9, 5).

Во второмъ, среднемъ ликѣ, къ первому чину принадлежать Господства (Кол. 1, 16), которые господствуютъ надъ низшими Ангелами. Доброхотно и радостно служа Господу, они сообщаютъ и живущимъ на землѣ силу благоразумнаго владѣнія собою и мудраго строенія себя; учатъ владѣть чувствами, смирять безчинныя вожделѣнія и страсти, плоть поработать духу, господствовать надъ волею и побѣждать искушенія (Числ. 22; Суд. 13; 3 Цар. 19, 5-8). Ко второму — Силы (1 Петр. 3, 22); черезъ нихъ Богъ творитъ знаменія и чудеса для славы Божіей, для помощи и укрѣпленія труждающихся и обремененныхъ. Къ третьему — Власти (1 Петр. 3, 22; Кол. 1, 16); они имѣютъ большую власть надъ діаволомъ, побѣждаютъ его, охраняютъ человѣка отъ искушеній его и укрѣпляютъ въ подвигахъ благочестія (Дан. 6, 20-27; 10, 14; Мф. 1, 20; Дѣян. 12, 6-10).

Въ третьемъ нисшемъ ликѣ пребываютъ: въ первомъ чинѣ Начала (Кол. 1, 16); они начальствуютъ надъ самыми благими Ангелами; назначаютъ имъ должности, распредѣляютъ каждому служенія, управляютъ вселенною и царствами или обществами человѣческими (Захар. 2, 2-3; Ап. 7, 1; 14, 18; Втор. 32, 8; Дан. 12, 1; 10; 4 Цар. 19, 35). Во второмъ — Архангелы (1 Сол. 4, 16), — благовѣстники и провозвѣстники высшихъ таинъ Божіихъ, утреждающіе вѣру между людьми (Лук. 1, 26-38). Въ третьемъ — Ангелы (1 Петр. 3, 22), ближайшіе къ людямъ, ихъ хранители и вѣстники меньшихъ таинъ Божіихъ (1 Цар. 21; Тов. 12, 12-13). Церковь ежедневно при Богослуженіи проситъ у Господа «Ангела мирна, вѣрна наставника, хранителя душъ и тѣлесъ нашихъ».

Сонмъ св. Ангеловъ по Писанію многочисленъ (Дан. 12, 10), но личныя имена св. Ангеловъ извѣстны по Писанію и преданію только слѣдующія:

Михаилъ, котораго имя съ Еврейскаго значитъ: кто яко Богъ, или кто равенъ Богу (Дан. 10, 13; 12. 1; Иуд. 9; Апок. 12, 7-8).

Гавріилъ — мужъ Божій или крѣпость Божія (Дан. 8, 16; Лук. 1, 26).

Рафаилъ — врачеваніе Божіе (Товит. 3, 17; 12, 15).

Уріилъ — огонь или свѣтъ Божій (3 Езд. 4, 1; 15, 20).

Салафіилъ — молитвенникъ Божій (3 Езд. 5, 16).

Іегудилъ — славитель Бога.

В а р а х і и л ь — благословеніе Божіе.

І е р е м і и л ь — возвышеніе Божіе (3 Езд. 4, 36).

П о ч и т а н і е св. Ангеловъ въ Церкви Божіей столь же древне, какъ самая Церковь. Оно было всегда, отъ первыхъ временъ міра. Въ ветхомъ Завѣтѣ Моисей, получившій отъ Бога заповѣди, въ то же время принялъ отъ Него повелѣніе поставить въ самомъ Святомъ Святыхъ золотыя изображенія Херувимовъ. Въ образѣ Ангеловъ Самъ Богъ неоднократно являлся; явленія св. Ангеловъ всегда возбуждали въ людяхъ высокое благоговѣніе и мѣста этихъ явленій были священны (Быт. 19. 22, 26; Исх. 23, 20; Числ. 22, 31; Нав. 5, 14; 1 Цар. 21, 2; Дан. 10; Захар. 1, 12).

Въ Апостольской христіанской Церкви отъ начала Ея и доселѣ непрерывно совершается призываніе св. Ангеловъ и воздается имъ благоговѣйное почитаніе.

АНГЕЛЪ-ХРАНИТЕЛЬ.

(Изъ сочиненій еп. Феофана Затворника).

За каждымъ изъ насъ есть грѣхи, заблужденія, ошибки, горести бѣды; а между тѣмъ всему этому не слѣдовало бы быть между нами, когда у cadaго изъ насъ есть свой ангелъ-хранитель. Отчего же это такъ? Ужъ, конечно, ангелы не допустили бы этого, если бы не мы сами были тому виною. А если они попускаютъ, то или потому, что мы сами дѣлаемъ себя недоступными ангельскому руководству, или потому, что своимъ противодѣйствіемъ и противонастроениемъ уничтожаемъ и отвращаемъ всѣ усилія ангеловъ содѣйствовать намъ въ добрѣ.

Прежде всего надо помнить, что у насъ есть ангелъ-хранитель, и имѣть къ нему умное и сердечное обращеніе, — и въ обычномъ ходѣ нашей жизни, а тѣмъ болѣе, когда она чѣмъ либо возмущается. Если нѣтъ такого обращенія, то ангелу нѣтъ и способа вразумить насъ. Когда кто идетъ къ трясинѣ или пропасти, заткнувъ уши и закрывъ глаза, — что ты ему сдѣлаешь? Кричать бы — такъ у него уши заткнуты; какимъ-либо знакомъ показать опасность, — такъ глаза у него закрыты. Скажешь: пусть за руку возьметъ и остановитъ, или наведетъ на путь правый. Да онъ, вѣрно и

готовъ такъ сдѣлать, ищеть у тебя руки, чтобы взять и по-руководить тебя, — да есть ли рука-то такая у тебя? Вѣдь не за эту тѣлесную руку возьметъ онъ тебя, хоть и это бываетъ въ особенныхъ случаяхъ, — но за руку душевную, потому что онъ и самъ безплотенъ. Душевная же рука есть дѣятельная сила, направленная и ревнующая о спасеніи. Когда въ душѣ твоей есть такая ревность, то ангель Господень непременно возьметъ тебя за нее и поведетъ; а когда нѣтъ, — за что ему взять тебя? Нѣтъ въ тебѣ мѣста соприкосновенія ему съ тобою: вѣдь онъ самъ изъ числа тѣхъ духовъ, которые посылаются только за хотящими наслѣдовать спасеніе.

Скажешь опять: пусть же возбудить во мнѣ самое желаніе спасенія. Да онъ это дѣлаетъ. прежде всего и усерднѣе всего. У тѣхъ, которые имѣютъ это желаніе, онъ его поддерживаетъ и укрѣпляетъ; а у кого нѣтъ, всячески старается возбудить. Но рѣдко успѣваетъ въ этомъ, по причинѣ великаго нестроенія, живущаго въ душѣ нерадивой. Въ такой душѣ все въ смятеніи — и мысли, и чувства и намѣренія: беспорядочный шумъ, какъ на базарѣ. Въ какой мѣрѣ есть у насъ этотъ недостатокъ внутренняго мира и собранности, въ такой есть онъ врагъ ангельскому на насъ воздѣйствію. Какъ внушить что либо доброе ангель, когда вниманія нѣтъ? Какъ услышитъ такое внушеніе душа, когда въ ней шумъ и смятеніе? Вотъ потому-то старанія ангела-хранителя и остаются безплодными для всѣхъ насъ.

Такимъ образомъ, если хочешь пользоваться ангельскимъ руководствомъ и содѣйствіемъ, — укроти свою внутреннюю беспорядочность, собери свое вниманіе внутрь и стань у сердца своего. Ангель Господень тотчасъ это замѣтитъ, подойдетъ и начнетъ влагать тебѣ помышленія, клонящіяся къ возбужденію желанія спасенія. Склонись на это внушеніе и примись ревновать о спасеніи, — тогда ангель-хранитель не только за руку тебя возьметъ, но на свои руки подыметъ, да не поведетъ только, а понесетъ даже по пути спасительному. Только и ты ужъ имѣй къ нему постоянное умное и сердечное обращеніе, въ ревности не ослабѣвай и вниманіе храни. Онъ станетъ учить тебя всему, что, когда и какъ дѣлать, и чего не дѣлать: а когда нужно, то внѣшнее знаменіе дастъ въ руководство.

АКАФИСТЪ СВЯТОМУ АНГЕЛУ

неусыпаемому хранителю человѣческой жизни.

Кондакъ 1.

Избранный отъ Господа Бога на храненіе души моя и тѣлесе, святыи Ангеле! похвальная ти воспѣти дерзаю, недостойный рабъ твой: ты же, яко имѣя дерзновение къ Царю небесному, отъ всякихъ мя бѣдъ и скорбей свободы, отъ врагъ видимыхъ же и невидимыхъ защиты, зовуща: радуйся, Ангеле Господень, неусыпаемый хранителю мой.

Икосъ 1.

Ангеле святыи, посланный съ небесе, во еже хранити мя и руководити во всей жизни моей! припадая молютися: самъ настави и вразуми мя, начинающа отъ сердечныя любви и усердія возглашати лѣсненныя ти хвалы: Радуйся, Ангеле Божій, предстателю мой у Пресвятыя Троицы. Радуйся, Царя царствующихъ безплотной воине. Радуйся, Господа господствующихъ небесный слуго. Радуйся, умныхъ и невещественныхъ слугъ Его сожителю. Радуйся, творяи присно волю Владыки своего. Радуйся, пріемый отъ Бога повелѣніе и власть хранити душу мою. Радуйся, никогдаже отлучайся мене грѣшнаго. Радуйся, выну спребываяи ми недостойному. Радуйся, соблюдаяи мя на всѣхъ путехъ моихъ. Радуйся, сохраняяи мя отъ всякаго зла. Радуйся, отъ Бога данный ми руководителю на путехъ житія моего. Радуйся, благий мой наставниче. Радуйся, Ангеле Господень, неусыпаемый хранителю мой.

Кондакъ 2.

Видѣвъ челоуѣколюбивый Господь, яко, по прегрѣшеніи праотца нашего Адама, вси челоуѣцы удобь преклонни суть ко грѣху, по Своей неизреченной милости, послалъ есть во всю землю святыхъ Ангеловъ, и коемуждо отъ челоуѣкъ пристави хранителя. Исполняя убо повелѣніе Владыки своего, святіи Ангелы всегда готовы суть помогати намъ, Богоугодно поющимъ: Аллилуіа.

Икосъ 2.

Разуму моему просвѣщеніе свыше исходатайствуй, святыи Ангеле, да возмогу познати, что есть воля Божія благая

и угодная и совершенная, и сердце мое направи, еже со усердіемъ творити ю: Тебе же хранителя моего да не престану восхваляти сицевыми гласы: Радуйся, воспламеняя сердце мое любовію къ Богу, Создателю моему. Радуйся, возбуждая мя на всякій день же и часъ приносить Ему молитвы, прошенія и благодаренія. Радуйся, якоже стражемъ вѣрнымъ, страхомъ Господнимъ душевный мой домъ ограждая. Радуйся, вся помышленія моя къ распятому за грѣхи міра Спасителю устремляя. Радуйся, страданія Его и крестную смерть въ память мою вперяя. Радуйся, воспоминаніемъ страстей Господнихъ блюстися отъ грѣховъ мя поучая. Радуйся, благодатнаго свыше осѣненія Святаго Духа просити мя наставляя. Радуйся, яко на кроткія точію и смиренныя сердцемъ милостивнѣ призирати Ему Утѣшителю, увѣряя мя. Радуйся, мыслію о вездѣприсутствіи Божіи всюду окружая мя. Радуйся, всѣвѣдѣніе Его умнымъ очесемъ моимъ представляя. Радуйся, милосердіемъ Его къ кающимся грѣшникомъ сердце мое утѣшая. Радуйся, правосудіемъ Его къ ожесточеннымъ и нераскаяннымъ душу мою устрашая. Радуйся, Ангеле Господень, неусыпаемый хранителю мой.

Кондакъ 3.

Силу Божественныя благодати испроси ми, хранителю мой Ангеле, во еже неуклонно и непреткновенно ходити ми спасительнымъ путемъ Христовыхъ заповѣдей, сердцемъ же и усты непрестанно славити всесвятое имя Бога нашего и пѣти Ему: Аллилуіа.

Икосъ 3.

Имамъ тя, Богоизбранный покровителю мой, якоже свѣтлую зарю, просвѣщающую души моя темноту, и разгоняющую мракъ сердечнаго невѣдѣнія моего: сего ради, со умиленіемъ припадая, молются, да и вся моя чувствія потемнѣнная страстями очистятся, во еже не блуждати ми во тмѣ грѣховнѣй. Пречудную же свѣтлость твою воспѣваю: Радуйся, звѣздо не вечерняго Свѣта, отъ Трисіяннаго Божества возсіявшая и мене выну озаряющая. Радуйся, пресвѣтлая луче, помраченная грѣхми сердечная ми очеса осіявающая. Радуйся, яко тщишися направить мя на истинный путь, во тмѣ беззаконій заблуждшаго. Радуйся, яко

предлагаеши ми заповѣди Господня, аки зеркало для всея жизни моея. Радуйся, яко поставляеши ми законъ Божій, аки свѣтильникъ ногами моима и свѣтъ стезямъ моимъ. Радуйся, яко словесъ Евангелія Христова въ сладость послушати поучаеши мя. Радуйся, яко ученію Божественнаго Учителя моего и Господа несомнѣнно вѣровати побуждаеши мя. Радуйся, яко въ повиновеніи уставомъ Святыя Церкви укрѣпляеши мя. Радуйся, яко правиломъ и преданіемъ святыхъ Апостолъ и Отець покарятися наставляеши мя. Радуйся, яко во исповѣданіи святыя Православныя вѣры утверждаеши мя. Радуйся, яко за сіе исповѣданіе и на смерть готову ми быти убѣждаеши. Радуйся, яко еретикомъ и отступникомъ Церкви сообщатися возбраняеши ми. Радуйся, Ангеле Господень, неусыпаемый хранителю мой.

Кондакъ 4.

Буря житейскаго моря сокрушаетъ духовный мой корабль волнами мірскихъ попеченій, и миръ убогія души моея мятется: и где обрящу тихое пристанище спасенія? токмо на тя по Бозѣ возлагаю надежду, хранителю мой Ангеле, яко премудраго тя кормчаго въ мысленныхъ буряхъ, смущающихъ мя, стяжахъ: благодарственнѣ убо пою Богу моему: Аллилуіа.

Икосъ 4.

Слышаще и зряще тя, Божественный Ангеле, крѣпкаго моего блюстителя, злобнии дуси поднебеснии не смѣютъ приблизитися ко твоей пречистѣй свѣтлости и душегубительныя ми пакости дѣяти. Сего ради смиренно молю тя, не отступи отъ мене за невоздержаніе мое, но присно отъ лукаваго тѣхъ ловленія и козней соблюдай мя, со умиленіемъ глаголюща: Радуйся, крѣпкимъ кровомъ криль твоихъ остѣняй мя и покрывай. Радуйся, окрестъ мене съ пламеннымъ мечемъ присно ополчаяйся. Радуйся, противу князя тмы во брани ми пособствуй. Радуйся, лукавыхъ его служителей побѣждати ми помогай. Радуйся, отгоняй отъ мене душепагубные демоны, аки хищныя птицы. Радуйся, вразумляй мя бѣсовскія козни познавати, аки лукавыя лисицы. Радуйся, звѣрообразная тѣхъ на умъ и сердце мое нападенія отрѣвай. Радуйся, порожденія ихъ, гордость и ненависть, изъ сердца моего исторгаяй. Радуй-

ся, зависть и злопомнѣніе отъ мыслей моихъ прогоняяй. Радуйся, во отраженіе злыхъ помысловъ, крестнымъ знаменіемъ себе ограждати побуждаяй мя. Радуйся, на аспида и василиска наступати укрѣпляяй мя. Радуйся, имѣяй непобѣдимое оружіе противу всѣхъ враговъ моихъ. Радуйся, Ангеле Господень, неусыпаемый хранителю мой.

Кондакъ 5.

Боготечнѣй и лучезарнѣй звѣздѣ, путеводившей древле волхвы на поклоненіе рождшемуся въ Вифлеемѣ Спасителю міра, дерзаю уподобити тя, благій мой хранителю: неотлучнымъ бо и свѣтоноснымъ твоимъ ми спребываніемъ указуеши ми правый путь, ведущій въ горній Вифлеемъ, въ небесное Царствіе, да тамо съ лики Архангелъ и Ангелъ сподоблюся воспѣвати превѣчному Царю славы: Аллилуіа.

Икосъ 5.

Видя мя ношю сдержима мрачною и темнымъ облакомъ страстей покрываема, святой Хранителю души моя, не огорчися, не остави мене, но, подражаяй долготерпѣніе Спасителя моего, пожди еще, возбуждая мя къ покаянію, дондеже очеса моя изліють источники слезъ на омытіе душевныя нечистоты моя. О семъ смиренно молю тя и глаголю: Радуйся, яко выну приносиши Богу о мнѣ грѣшнѣмъ молитвы своя, яко кадило предъ Нимъ благовонное. Радуйся, яко присно ходатайствуеши предъ Создателемъ моимъ о еже спастися ми. Радуйся, яко праведный гнѣвъ Его, движимый на мя, своимъ предстательствомъ отвращаеши. Радуйся, яко просиши всемилосердаго Господа подати прощеніе злыхъ моихъ дѣяній. Радуйся, яко умилоствляеши Его благость, да не погубитъ мя со беззаконными моими. Радуйся, яко непрестанно молишися Искупителю моему, да даруетъ ми время ко исправленію. Радуйся, яко возбуждаеши мя въ покаяніи препроводити вся дни живота моего. Радуйся, яко внушаеши ми желаніе, да выну каюся предъ Господемъ во всѣхъ моихъ прегрѣшеніяхъ. Радуйся, яко вразумляеши мя, на всякое время мысленно себе испытovati и во грѣсѣхъ моихъ исповѣдоватися. Радуйся, яко влагаеши въ сердце мое сокрушеніе и скорбь, зане прогнѣвахъ преблагаго Бога моего. Радуйся, яко побуждаеши мя оплакивати окаянное и скверное житіе мое.

Радуйся, свѣтоносный и неумолкающій ходатаю спасенія моего. Радуйся, Ангеле Господень, неусыпаемый Хранителю мой.

Кондакъ 6.

Проповѣдую велегласно присное твое, хранителю мой Ангеле, о мнѣ грѣшнѣмъ попеченіе: въ скорбѣхъ бо и напастехъ, яже въ семъ многоятежнѣмъ мірѣ смущаютъ миръ души моя, являшимися скорый утѣшитель, вразумляя мя, яко вся сія ниспосылаются отъ премудраго Создателя, аки врачевство противу душевныхъ недуговъ моихъ, и поучая благодѣющему сице Небесному Врачу воспѣвати: Аллилуіа.

Икосъ 6.

Возсіяваетъ въ душѣ моей, омрачаемой скорбію и уныніемъ отъ множества прегрѣшеній, свѣтъ благодатнаго утѣшенія, и сердце мое исполняется веселія и радости, егда непрестанными твоими, святой Ангеле, наставленіи возбуждаемъ дерзаю, яко мытарь, вопити къ щедрому Богу, да милостивъ будетъ и проститъ ми прегрѣшенія моя. Не премолчи убо, наставниче мой, вразумляя и укрѣпляя мя, зовуща ти: Радуйся, помагая ми благій яремъ спасительнаго терпѣнія съ любовію носить. Радуйся, въ бѣдахъ и злоключеніяхъ упованіемъ на Господа Бога укрѣпляя мя. Радуйся, скорби и болѣзни мужественнѣ преодолевати мя поучая. Радуйся, всякую печаль и уныніе отъ сердца моего отгоняя. Радуйся, противу врага, въ сѣть отчаянія уловити мя хотяща, браться побуждая мя. Радуйся, словесемъ Апостола, яко вси хотящіи благочестно жити, гоними будутъ, вѣровати убѣждая мя. Радуйся, образъ терпѣнія и злостраданія пріяти ми пророки и Апостолы внушая. Радуйся, на ликъ мученикъ и исповѣдникъ, за Христа до изліянія крове своея подвизавшихся, во утѣшеніе ми показуя. Радуйся, страданія Самого Спасителя и Господа выну умнымъ очесемъ моимъ представляя. Радуйся надеждо будущаго воздаянія сердце мое услаждая. Радуйся, всерадостнымъ ожиданіемъ вѣчныхъ благъ душу мою оживляя, Радуйся, благій и присный мой утѣшителю. Радуйся, Ангеле Господень, неусыпаемый хранителю мой.

Кондакъ 7.

Хотѣя всѣмъ челоуѣкомъ спастися, премилосердый Создатель мой посла тя Ангела Своего, яко вѣрна ми стража и пѣстуна добра, во всемъ житіи моемъ, да всюду вспомооществуеши ми святыми твоими вдохновеніи, защищаеши противу козней діавола и предуготовляеши мя дѣлы благими внити съ мудрыми дѣвами въ небесный чертогъ, съ богокрасною пѣснію: Аллилуіа.

Икосъ 7.

Новую показуеъ благость Господь и Владыка мой на мнѣ непотребнѣмъ и паче всѣхъ грѣшнѣйшемъ рабѣ Своемъ: презирая бо лютая моя и тяжкая, не погубилъ мя естъ со беззаконіи моими, даже до нстоящаго дне и часа, но долготерпя на мнѣ, милостивнѣ ожидаетъ моего обращенія и сердечнаго покаянія. Вѣрую, благій хранителю мой, яко твоимъ приснымъ предъ Богомъ за мя ходатайствомъ, доселѣ хранимъ есмь: тѣмже, любовію къ тебѣ подвигаемый, взываю: Радуйся, яко изъ рова беззаконій моихъ рукою твоею помощи мя исхищаеши. Радуйся, яко грѣховный сонъ душевредныя моея лѣности отрясаеши. Радуйся, яко умъ мой, омраченный небреженіемъ, свѣтлымъ твоимъ присутствіемъ озаряеши. Радуйся, яко хладное и мало не угасшее сердце мое молитвами воспламеняти ми помогаеши. Радуйся, яко настрояеши гласъ мой къ пѣснопѣніемъ, имиже достойно и праведно естъ хвалити Творца всяческихъ. Радуйся, яко поучаеши мя прославляти Господа моего не усты точію, но и сердцемъ. Радуйся, яко ко исполненію пресвятыя воли Его возбуждаеши мя. Радуйся, яко самоотверженію и отреченію моея злыя воли пріобучити мя тщишися. Радуйся, яко голубину простоту и агнчу кротость стяжати ми пріискреннѣ желаеши. Радуйся, яко о еже младенческому незлобію и старческому доброразсужденію дароватися ми ходатайствуеши: Радуйся, Ангеле Господень, неусыпаемый хранителю мой.

Кондакъ 8.

Страненъ и пришлецъ есмь на земли сей: житіе мое суетно и маловременно естъ: азъ же окаянный смерти безвѣстное во умъ никогдаже пріемлю, ни помышляю о Страшномъ Судищи, въ немже имамъ Праведному Судіи предстати

и дати отвѣтъ о всякомъ дѣлѣ же и словѣ. Тѣмже молю тя, души моя хранителя, возбуди мя скоро отъ сна грѣховнаго, да не постигнетъ мя часть смерти неисправленна, и да сподоблюся испросити отъ Всемиловитаго Бога беззаконіемъ моимъ прощеніе и во гласъ радованія воспѣвати Ему: Аллилуіа.

Икосъ 8.

Всѣхъ Господь и Создатель мой, егда назнаменуетъ ми представитися отъ житія сего: ты, благій хранителю мой, провидяй грозныя муки, духовомъ злобы и нераскаяннымъ грѣшникамъ уготованныя, и мене ожидающыя, покрый мя твоего милосердія крылами, якоже орелъ птенцы своя: и вегда исчезати отъ мене духу моему, да узрю тя близъ мене предстояща и лютыя враги отгоняюща. О семъ со умиленіемъ молютися вѣщая сиче: Радуйся, умнымъ очесемъ моимъ торжкѣй и страшный часть смерти представляй. Радуйся, яко неизбѣженъ, вкупѣ же безвѣстенъ часть той, присно ми напоминай. Радуйся, на кійждо день, аки уже на послѣдній житія моего, взирати мя поучай. Радуйся, на всякое время ко исходу во инъ міръ мя предуготовляй. Радуйся, душевное умиленіе и сердечное сокрушеніе во мнѣ раждай. Радуйся, выну желая ми да поне при кончинѣ дней моихъ покаюся. Радуйся, любити міръ и яже въ міръ ми воспрещай. Радуйся, пристрастіе къ тлѣнному богатству изъ сердца моего искореняти помогаяй. Радуйся, вся блага земная быти привременна и скоропреходяща ми показуяй. Радуйся, яко вся красная міра сего цвѣту сельному подобна суть, разумляй мя. Радуйся, славы чловѣчи, аки тѣнь преходящія, искати возбраняй ми. Радуйся, Ангеле Господень, неусыпаемый хранителю мой.

Кондакъ 9.

Всякъ грѣхъ содѣяхъ въ житіи семъ, и весь животъ мой во мнозѣ претекъ суетѣ, къ концу приближися: врази же мои устремляются на мя, алчуще пояти мя и низринуты во глубину адову: тѣмже молютися, благій мой Хранителю, буди ми защититель; егда имамъ преходити лютая мытарства, и безбѣдна доведи мя до вратъ небеснаго Царствія, идѣже лица Ангельстїи радостнѣ срѣтають восклицаящихъ: Аллилуіа.

Витѣйствующій языкъ не можетъ изрещи, яже сотворилъ ми еси, святыи хранителю мой, во всемъ житіи моемъ: пріавъ бо душу мою отъ купѣли святаго крещенія, хранилъ мя еси во младенчествѣ, училъ и вразумлялъ еси во отрочествѣ, соблюдалъ мя еси отъ поползновенія ко грѣхомъ въ возрастѣ юношествѣмъ, наставлялъ еси пришедша мя въ мужество, охранялъ еси на всѣхъ путехъ моихъ даже до старости, обличая и утѣшая, всюду помогая и направляя на путь спасенія. Сего ради благодарственнѣ вопію ти: Радуйся, яко никогдаже лишаеши мя твоя помощи и заступленія. Радуйся, яко отъ сна встающа мя подвизаеши ко благодаренію Господа, укрѣпляющаго силы моя. Радуйся, яко начатокъ коегождо дне молитвою освящати мя поучаеши. Радуйся, яко воспрещаеши ми безъ молитвы къ Всеблагому Промыслителю, дерзновенно собою что начинати. Радуйся, яко самонадѣяніе изъ сердца моего истребити тищишися. Радуйся, яко сладчайшее имя Господа Иисуса Христа усты непрестанно произносити и во умѣ держати мя побуждаеши. Радуйся, яко во всякое время нужное точію и полезная вѣщати языкомъ ми внушаеши. Радуйся, яко отъ празднословія, многоглаголанія, паче же кошунства мя удерживаеши. Радуйся, яко ядущу и пріющу ми или ино что творящу присно спребываеши. Радуйся, яко воздержанію въ пищѣ и питіи пріобучити мя печешися. Радуйся, яко спяща мя храниши, и врага, хотяща искусити мя сонными мечтаніи, отгоняеши. Радуйся, яко воспящаеши мя отъ любострастнаго стремленія и во оцію моею цѣломудренный стыдъ влагаеши. Радуйся, Ангеле Господень, неусыпаемый хранителю мой.

Кондакъ 10.

Спасти всѣхъ пришедый, Иисусе мой преблагій, со умиленіемъ молотися, Твоимъ милосердіемъ прости моихъ злыхъ премножество и безмѣріе, преклоняемый на сіе Божественными мольбами Твоего невещественнаго служителя, егоже ми приставилъ еси изъ младенства, яко человекѣколюбецъ, хранителя: да достоинъ явлюся внити въ чертогъ славы Твоея и со духи праведныхъ воспѣти: Аллилуіа.

Икосъ 10.

Стѣна тверда присно являешимися, святыи Ангеле, проти-

ву ухищреній злобныхъ враговъ моихъ, ищущихъ вѣчныя погибели моя и разслабляющихъ душу мою лѣнностію и самозабвеніемъ. Молю убо тя, хранителю мой, да твоимъ ходатайствомъ сподоблюся, при исходѣ души моея изъ тѣлесе, причастникъ быти Пречистаго Тѣла и Святѣйшія Крове моего Спасителя, яко да укрѣпився сею нетлѣнною пищею и животворнымъ питіемъ, безтрепетно преиду во инъ міръ, воспѣвая тя, моего благодѣтеля: Радуйся, яко дана Ти есть власть и сила отражати демонская на мя нападенія. Радуйся, яко пріялъ еси отъ Бога крѣпость на побѣжденіе невидимыхъ враговъ моихъ. Радуйся, яко отъ всякаго злодѣйства и козней діавольскихъ могій избавити мя. Радуйся, яко горькихъ мытарствъ начальника лютаго міродержца нападенія отъ мене отрѣваеши. Радуйся, яко ограждаемый твоимъ присутствіемъ, имамъ надежду въ часъ смерти не устрашиться мрачныхъ лицъ духовъ злобы. Радуйся, яко хранимый тобою, уповаю безбѣдно преити воздушная мытарства. Радуйся, яко укрѣпляемый твоею помощію, чаю не удержанъ быти внѣ вратъ рая, ми вождельнаго. Радуйся, яко твое за мя предстательство сильно есть предъ Богомъ, еже не ввержену ми быти во тьму кромѣшную. Радуйся, яко присно внушаеши ми умилоствляти Господа слезами покаянія, да избавлюся геенны адскія. Радуйся, яко побуждаеши мя день и ночь молитися да не посланъ буду со аггелы мучитися. Радуйся, неотступный мой руководителю и пѣстуне. Радуйся, крѣпкій мой заступниче и скорый помощниче. Радуйся, Ангеле Господень, неусыпаемый хранителю мой.

Кондакъ 11.

Пѣніе сіе, аще и отъ усердія моего ти приносимое, святыи хранителю мой, вѣмъ, яко не довольно есть ко изъявленію моего сердечнаго благодаренія за вся благая, яже ми сотворилъ еси и не престаеши творити даже до сего дне и часа: но и о семъ молютисѧ, общаго ми съ тобою Создателя умилоствиви, да на страшнѣмъ Судѣ Своемъ шуіа части избавитъ мя и сподобитъ со всѣми Святыми воспѣвати Ему: Аллилуіа.

Икосъ 11.

Свѣтильникъ мой угасе, елея же благихъ дѣлъ во еже возжещи и, нѣсть ми: и гдѣ обрящуся азъ окаанный, сномъ

грѣховнымъ отягченный, егда постигнетъ мя внезапно полунощъ, часть кончины моя? но да не услышу и азъ, якоже юродивыя дѣвы, трознаго гласа жениха: не всѣмъ тя. Помози ми, неусыпаемый хранителю мой, наполнити сосуды души моя елеемъ благихъ дѣлъ, паче же милосердія и смиренія. Нынѣ же пріими отъ мене сіе пѣніе: Радуйся, Единого Господа имѣти въ разумѣ присно ми внушая. Радуйся, заповѣдь о любви къ Нему преблагому въ сердцѣ моемъ обновляя. Радуйся, люби Его Создателя всѣмъ умомъ и всѣмъ помышленіемъ мя побуждая. Радуйся, и къ ближнимъ искреннюю любовь мою богоугодно быти непрестанно ми напоминая. Радуйся, люби ихъ не словомъ или языкомъ, но дѣломъ и истиною, мя поучая. Радуйся, во всѣхъ нуждахъ ихъ помогати желаніе ми влагая. Радуйся, утѣшати скорбящихъ, заступати обидимыхъ, мя наставляя. Радуйся, отъ имѣній своихъ бѣднымъ и неимущимъ сердце мое преклоняя. Радуйся, и душу мою, по заповѣди Спасителя, положить за други своя готову ми быти возбуждая. Радуйся, закрывая очеса моя, еже не зрѣти ми прегрѣшеній брата моего. Радуйся не попуская ми осуждати поползнувагося на грѣхъ ближняго моего. Радуйся, воспрещая ми яти вѣру оглагольникомъ клеветы моего. Радуйся, Ангеле Господень, неусыпаемый хранителю мой.

Кондакъ 12.

Благодать дана ти есть отъ Всемогушаго Господа, святыи покровителю мой, еже хранити мя на всѣхъ путехъ моихъ, да не о камень коего соблазна преткнется нога моя, дондеже мя представиши Христу Богу спасена, Емуже немолчно вся Силы небесныя зываютъ: Аллилуія.

Икосъ 12.

Пою твое досточудное милосердіе и многое снисхожденіе, быстро движимый уме, безплотный слуго Господень: яко не гнушаеши грѣховныя моя смрадности, и не престаеши приносить о мнѣ непотребнымъ святыя молитвы своя ко святѣйшему престолу тріипостаснаго Бога, еже не погибнути ми во вѣки, но Царствіе небесное наслѣдовати. Благоволи убо пріяти отъ душевныхъ сокровищъ моихъ приносимое ти пѣснопѣніе: Радуйся, яко воспоминаніемъ грядущаго грознаго суда Божія отъ грѣховъ мя отрѣваеши. Радуйся, яко

душу мою, аки невѣсту, ко срътенію прекраснаго Жениха Христа предуготовляти возбуждаеши мя. Радуйся, яко при-сно желаеши достойна мя сотворити брачнаго чертога Его. Радуйся, яко выну учиши мя возжигати свѣтильникъ души моея, да съ мудрыми дѣвами, душами праведныхъ, вниду въ онь. Радуйся, яко грѣховныя одежды моя совлачitis побуждаеши мя. Радуйся, яко въ ризу непорочности и чистоты облещися ми пособствуеши. Радуйся, яко ходатайствуеши, да на Страшномъ Судѣ Христовѣ одесную Его стати сподоблюся. Радуйся, яко умоляеши благоутробіе Божіе, да лику избранныхъ Своихъ сопричтетъ мя. Радуйся, яко подвизаеши на молитву ко Господу и сожителей твоихъ небесныхъ, да вселитъ мя съ ними во Царствіи Своемъ. Радуйся, добрый и бодрый блюстителю мой. Радуйся, теплый о мнѣ грѣшнѣмъ молитвенниче, и благій предстателю. Радуйся, по Господѣ Бозѣ и пресвятѣй Богородицѣ крѣпкое мое упо-ваніе. Радуйся, Ангеле Господень, неусыпаемый хранителю мой.

К о н д а к ъ 13.

О преславный и умный свѣте, Ангеле Божій: приими благодарственное сіе и молебное пѣніе, и егда имамъ отъ земли востати на судъ, покажи тогда милосердіе свое на мнѣ грѣшнѣмъ: предстані близъ мене тихъ и радостенъ, надеждею спасенія отъемя страхъ мой: да въ селеніихъ райскихъ сподоблюся вкупѣ съ тобою во вѣки вѣковъ воспѣвати превѣчному Царю славы: Аллилуія. (Трижды).

Св. авва Антоній, пребывая нѣкогда въ пустынѣ, впалъ въ уныніе и въ глубокую тму помысловъ, и взывалъ къ Богу: Господи! я хочу спастись, а помыслы не даютъ мнѣ. Что мнѣ дѣлать въ моей скорби? Какъ спастись? И вскорѣ потомъ Антоній, вставъ, вышелъ изъ келіи; и вотъ видить кого-то похожаго на себя, который сидѣлъ и работалъ, потомъ всталъ изъ-за работы и молился, — послѣ опять сѣлъ и вилъ веревку; далѣе опять всталъ на молитву. Это былъ ангелъ Господень, посланный для наставленія Антонія. И ангелъ сказалъ въ слухъ ему: «и ты дѣлай такъ и спасешия, т. е. трудъ смѣняй молитвою и молитву трудомъ — трудись и молись!» Услышавъ это, Антоній весьма обрадовался и ободрился. Сталъ такъ дѣлать и спасался.

Всегда содержи въ умѣ своемъ мысль о смерти, размышляй о самомъ разлученіи души отъ тѣла, — разлученіи, которое будетъ подѣ начальственнымъ смотрѣніи твоего ангела.

Св. Ѳеодоръ Студитѣ.

«О, Макаріе, говорилъ бѣсъ Макарію египетскому, много скорблю я, что не могу одолѣть тебя. Все дѣлаю, что и ты: постишься ты — и я ничего не ѣмъ; бодрствуешь ты — и я никогда не сплю. Однимъ ты одолѣваешь меня — это смиреніемъ; противъ него я не могу устоять».

О СОВРЕМЕННЫХЪ ЯВЛЕНІЯХЪ АНГЕЛОВЪ.

Разсказъ о. Іоанна Веніамина, впослѣдствіи митр. Иннокентія московскаго:

«Въ апрѣлѣ 1825 года въ великій постъ отправился я въ первый разъ на островъ Акунъ къ алеутамъ. Подѣзжая къ острову, я увидѣлъ, что юни всѣ стояли на берегу наряженными, какъ бы въ торжественный праздникъ, и когда я вышелъ на берегъ, то они всѣ радостно бросились ко мнѣ. Я спросилъ ихъ: почему они такіе наряженные? Они отвѣчали: «потому что мы знали, что ты выѣхалъ и сегодня долженъ быть у насъ; вотъ мы на радостяхъ и вышли на берегъ, чтобы встрѣтить тебя». — «Кто же вамъ сказалъ, что я буду у васъ сегодня, и, почему вы меня узнали, что я именно отецъ Іоаннъ?» — «Нашъ шаманъ (колдунъ), старикъ Иванъ Смиренниковъ сказалъ намъ объ этомъ и описалъ намъ твою наружность такъ, какъ теперь видимъ тебя».

Это обстоятельство чрезвычайно меня удивило, но я все это оставилъ безъ вниманія и сталъ готовить ихъ къ говѣнію. Явился ко мнѣ этотъ старикъ-шаманъ и изъявилъ желаніе говѣть: онъ ходилъ очень оккуратно къ богослуженію, и я все таки не обращалъ на него особеннаго вниманія и, пріобшивши его св. таинъ, отпустилъ его... — И что же? къ моему удивленію, онъ, послѣ причастія, отправился къ своему тоену (старшинѣ) и высказалъ ему свое неудовольствіе на меня, а именно за то, что я не спросилъ его на исповѣди, почему его алеуты называютъ шаманомъ, такъ какъ ему крайне непріятно носить такое названіе отъ своихъ собратьевъ, и что онъ вовсе не шаманъ. Тоень, конечно, передалъ мнѣ неудовольствіе старика Смиренникова, и я тотчасъ же

послалъ за нимъ, для объясненія; и когда посланные отправились, то Смиренниковъ попался имъ на встрѣчу съ слѣдующими словами: «я знаю, что меня зоветъ священникъ отецъ Іоаннъ, и я иду къ нему». Я сталъ подробно спрашивать о его жизни, и на вопросъ мой, грамотенъ ли онъ? онъ отвѣчалъ, что хотя и неграмотенъ, но евангеліе и молитвы знаетъ. Тогда я просилъ его объяснить, почему онъ знаетъ меня, что даже описалъ своимъ собратіямъ мою наружность, и откуда узналъ, что я въ извѣстный день долженъ явиться къ вамъ, и что буду учить васъ молиться? — Старикъ отвѣчалъ, что ему все это сказали двое его товарищей. — Кто эти двое твои товарищи? спросилъ я его. — «Бѣлые люди», отвѣчалъ старикъ; — «они, кромѣ того, сказали мнѣ, что ты, въ недалекомъ будущемъ, отправишь свою семью берегомъ, а самъ поѣдешь водою къ великому человеку (царю) и будешь говорить съ нимъ». — Гдѣ же эти твои товарищи бѣлые люди, и что это за люди? спросилъ я его. — «Они живутъ недалеко здѣсь въ горахъ и приходятъ ко мнѣ каждый день». — Когда же явились къ тебѣ эти бѣлые люди въ первый разъ? Онъ отвѣчалъ, что вскорѣ по крещеніи его іеромонахомъ Макаріемъ явился ему прежде одинъ, а потомъ и два духа, невидимые никѣмъ другимъ, въ образѣ человекъ бѣлыхъ лицомъ, въ одѣянїяхъ бѣлыхъ и, по описанію его, подобныхъ стихарямъ, обложенныхъ розовыми лентами, и сказали ему, что они посланы отъ Бога наставлять, научать и хранить его. И въ продолженіе почти 30 лѣтъ, они, почти каждодневно, являлись ему днемъ, или къ вечеру, но не ночью и, являясь, наставляли его христіанскому ученію и таинствамъ вѣры; подавали ему самому и, по прошенію его, другимъ впрочемъ весьма рѣдко, помощь въ болѣзняхъ, и крайнемъ недостаткѣ пищи; — но при этомъ они всегда отзывались на прошеніе его тѣмъ, что «мы спросимъ у Бога, и если благословитъ Онъ, то исполнимъ» — иногда сказывали ему происходящее въ другихъ мѣстахъ и, весьма рѣдко будущее: но всегда съ оговоркою: «если то угодно Богу открыть», и увѣряли, что они не своею силою все то дѣлаютъ, но силою Бога Всемогушаго.

И хотя ученіе этихъ духовъ есть ученіе православной церкви, но я зная, что и бѣсы вѣрують и трепещуть, усомнился, не хитрая ли и тончайшая это сѣть искони лукаваго? и спросилъ его: «какъ они учатъ молиться, себѣ или Богу, и какъ жить съ другими?» Онъ отвѣчалъ, что они учатъ молиться духомъ и сердцемъ, и иногда молятся съ нимъ весь-

ма долго, и учать исполнять всѣ чистыя христіанскія добродѣтели (кои онъ подробно мнѣ разсказалъ), а болѣе всего совѣтують наблюдать вѣрность и чистоту, какъ въ супружествѣ, такъ и внѣ супружества, сверхъ того учили его и другимъ внѣшнимъ добродѣтелямъ и обрядамъ, какъ то: какъ изображать крестъ на тѣлѣ, не начинать никакого дѣла не благословясь, не ѣсть рано по утру, не жить вмѣстѣ многимъ семействамъ, не ѣсть вскорѣ убитой рыбы и звѣря еще теплаго: а нѣкоторыхъ птицъ и растений морскихъ совсѣмъ не употреблять въ пищу, и проч.

Послѣ этого спросилъ я его: «являлись ли они ему нынѣ, послѣ исповѣди и причастія, и велѣли ли слушать меня?» — Онъ отвѣчалъ, что являлись, какъ послѣ исповѣди, такъ и послѣ св. причастія, и говорили, чтобъ онъ никому не сказывалъ исповѣданныхъ грѣховъ своихъ, и чтобъ, послѣ причастія вскорѣ, не ѣлъ жирнаго, и чтобъ слушался ученія моего, но не слушалъ «промышленныхъ», т. е. русскихъ, здѣсь живущихъ; и даже сегодня на пути явились ему и сказали, для чего я зову его, и чтобъ онъ все разсказалъ и ничего-бъ не боялся, потому что ему ничего худого не будетъ. Потомъ я спросилъ его: «когда они являются ему, что онъ чувствуетъ, радость или печаль?» — Онъ сказалъ, что въ то только время при нихъ онъ чувствуетъ угрызеніе совѣсти своей, когда сдѣлалъ что-либо дурное, а въ другое время не чувствуетъ никакого страха; и такъ какъ его многіе почитаютъ за шамана, то онъ, не желая таковымъ считаться, неоднократно просилъ ихъ, чтобъ они отошли отъ него и не являлись ему; но духи отвѣчали, что они не дьяволы и имъ не велѣно оставлять его. На вопросъ его: почему они не являются другимъ? они говорили ему, что имъ такъ велѣно.

Дабы удостовѣриться, точно ли являются ему пѣстуны его, я спросилъ его: «могу ли я видѣть ихъ и говорить съ ними?» Онъ отвѣчалъ, что не знаетъ, а спросить у нихъ; и дѣйствительно, черезъ часъ приходитъ и говоритъ, что они сказали на то: «и что онъ хочетъ еще знать отъ насъ? Уже ли онъ еще почитаетъ насъ дьяволами? Хорошо, пусть видитъ и говоритъ съ нами, если хочетъ»; и еще сказали нѣчто въ одобреніе мое; но я дабы несочтено было за тщеславіе со стороны моей, умолчу объ этомъ.

Тогда что-то необъяснимое произошло во мнѣ, какой-то страхъ напалъ на меня и полное смиреніе. «Что, ежели въ самомъ дѣлѣ, подумалъ я, увижу ихъ, этихъ ангеловъ, и

они подтверждать сказанное старцемъ? и какъ же я пойду къ нимъ? Вѣдь я же — человѣкъ грѣшный, слѣдовательно, и недостойный говорить съ ними, и было бы съ моей стороны гордостью и самонадѣянностью, если бы я рѣшился итти къ нимъ; и наконецъ, свиданіемъ моимъ съ ангелами, я можетъ быть, превознесся бы своею вѣрою или возмечталъ бы много о себѣ»... И я, какъ недостойный, рѣшился не ходить къ нимъ, — сдѣлавъ предварительно, поэтому случаю, приличное наставленіе какъ Смиренникову, такъ и его собратамъ алеутамъ, и чтобы они болѣе не называли Смиренникова шаманомъ».

ЗАДОНСКИЙ ЮРОДИВЫЙ АНТОНІЙ АЛЕКСѢВИЧЪ.

Уже не одинъ разъ въ нашемъ журналѣ упоминалось о лицахъ, избравшихъ для спасенія души тяжкій путь юродства Христа ради. Люди міра не понимаютъ этого пути, и подвижники истиннаго «Христа ради юродства» встрѣчаютъ съ ихъ стороны одни глумленія и осужденія. Постараемся же поглубже вдуматься въ сущность подвига юродства. Подвигъ этотъ основанъ на двухъ, такъ сказать, началахъ: — безконечной скорби по утраченномъ раѣ и горячемъ желаніи смирить себя.

Человѣкъ созданъ для вѣчнаго блаженства. Одаренный величайшими дарами, сотворенный «по образу и подобию» Божію, онъ назначенъ былъ къ величайшему удѣлу и поселенъ въ раю, гдѣ жизнь его шла въ невыразимыхъ духовныхъ радостяхъ. И грѣхопаденіе лишило его той благословенной жизни, врата рая закрылись для него, онъ осужденъ на муки земного существованія, и въ утѣшеніе ему дано обѣтованіе о приходѣ Спасителя міра. Послѣ нѣсколькихъ тысячилѣтій ожиданія пришелъ Искупитель, Своею смертию поправилъ смерть, внесенную въ міръ грѣхопаденіемъ перваго человѣка и открылъ ему райскія двери.

И, казалось бы, что теперь весь родъ человѣческій съ особою силою долженъ стремиться къ этой маячащей вдали цѣли пріобрѣтеніе путемъ свѣтлой жизни и благодати Царства Божія и въ этомъ стремленіи своемъ забывать о внѣшнихъ, временныхъ, скорогибнущихъ благахъ. Но именно о небѣ, а не о землѣ чаще всего забываютъ люди, и стремятся къ земнымъ цѣлямъ, точно вѣчно будутъ жить здѣсь, точно

на землѣ все не приходитъ къ одному неизбѣжному концу: смерти. Они ради пріобрѣтенія богатства готовы на всякое нечистое дѣло; они ненавидятъ другъ друга, видя во всякомъ врага и помѣху для достиженія своихъ низменныхъ цѣлей, а жаждою безумныхъ удовольствій уподобляются людямъ, которые стали бы плясать дикія пляски на краю бездоннаго обрыва.

Въ противоположность имъ, юродивые полны одной памятью о раѣ, для котораго были созданы, но котораго лишены, и ничто не можетъ ихъ утѣшить. Все земное не имѣетъ для нихъ никакого обаянія, и все земное они распинаютъ въ себѣ.

Люди безумно жаждутъ денегъ, денегъ и денегъ. А эти презираютъ ихъ. Одна богатѣйшая женщина, извѣстная ревностью къ людямъ Божиимъ, ставъ на колѣни передъ однимъ подвижникомъ сказала ему: «Чѣмъ мнѣ утѣшить тебя? Не пожалѣю для тебя и милліона!» — «Вотъ, чѣмъ нашла, отвѣчалъ старецъ: на что мнѣ этотъ навозъ?»

Люди любятъ пышность; сколько изъ нихъ стараются затмить пышностью одинъ другого. А эти полны жаждою убожества во всемъ. Свои, оскверненные грѣхами тѣла, люди прикрываютъ роскошными одеждами, а изможденное трудами и подвигами поста тѣло этихъ еле прикрываетъ нищенское рубище.

Люди ищутъ, чтобы ихъ величали другіе люди, жадно гонятся за земной славою, а эти жаждутъ насмѣшекъ, всякихъ униженій.

Нося въ душѣ безусловную правду, они бываютъ глубоко оскорблены тѣми лживыми внѣшними выраженіями несуществующей въ большинствѣ случаевъ пріязни, которыми люди прикрываютъ взаимную ненависть. У нихъ же наоборотъ. Сердце ихъ полно сочувствія къ людямъ, а внѣшнее обращеніе грубо.

И такъ проходятъ они черезъ жизнь, беря отъ нея только тягости и не желая заглушать великость тоски своей по утраченномъ раѣ тѣми ничтожными по сравненію съ вѣчностью побряжушками, которыми люди тѣшатъ себя.

Другая основа подвига юродства — смиреніе.

Мы погибли черезъ гордость, зараженные отъ искустеля желаніемъ «стать, какъ боги». И вотъ это чувство съ безконечною силою юродивые распинаютъ въ себѣ. Отрекаясь отъ богатства, всякихъ достоинствъ земныхъ, отъ семьи, родства и знакомства, они становятся бездомными ски-

тальцами и вольной волею ищутъ, чтобы ихъ уничижали и гнали. Вѣчно живымъ въ душѣ ихъ стоитъ крестъ, и на немъ распятый Богочеловѣкъ, и память о заушеніяхъ, оплеваніи, бичеваніи, которое переносилъ Онъ, даетъ имъ жажду ради Него ежечасно терпѣть на землѣ гоненія.

Итакъ непонятые, гонимые, одинокіе въ распалюющей ихъ ревности по Богѣ проходятъ они земной путь — путь изгнанія, стараясь грѣть страдающихъ, обличать несправедливости сильныхъ земли.

Труденъ путь этотъ, и немного истинныхъ «Христа ради юродивыхъ» насчитываетъ Православная Церковь. Но всѣ они были одарены величайшими дарами благодати.

Великій Царьградскій Андрей Христа ради юродивый былъ свидѣтелемъ того явленія Богоматери, въ память котораго установленъ праздникъ Покрова. Московскій Василій Блаженный, безстрашный обличитель Грознаго, еще при жизни являлся, будучи въ Москвѣ, на Каспійскомъ морѣ, спасая отъ гибели во время бури Персидскихъ купцовъ, узнавшихъ его позже, когда они пришли въ Москву. Находясь въ царскихъ палатахъ, заливалъ пожаръ въ Новгородѣ *).

Къ лицамъ спасавшимся путемъ искренняго юродства принадлежалъ и схороненный въ Задонскѣ Антоній Алексѣевичъ. Онъ родился въ бѣдномъ селеніи Задонскаго уѣзда, Клиновомъ, въ семьѣ крѣпостныхъ — Алексѣя и Екагерины Монкиныхъ. Когда ему было семь лѣтъ, онъ во время сильной бури, разразившейся надъ Клиновымъ, пропалъ изъ родительскаго дома и найденъ былъ черезъ три недѣли въ полѣ у ручья, гдѣ онъ питался въ это время росшимъ на берегу горохомъ. Когда его стали спрашивать, зачѣмъ онъ скрылся — онъ или молчалъ, или отвѣчалъ совсѣмъ неподходящее. Такъ началась его жизнь юродиваго, продолжавшаяся свыше ста лѣтъ.

Когда онъ пришелъ въ возрастъ, отчимъ заставлялъ его обрабатывать землю, и за неумѣніе жестоко его билъ, а, когда мать Антонія умерла, то и вовсе выгналъ пасынка изъ дому, такъ что тотъ остался безъ крова. Его взялъ къ себѣ

*) Однажды царю вздумалось пригласить Василя Блаженнаго на свои именины. Подносили задравную чашу. Юродивый три раза принималъ ее и выливалъ за окошко. Иоаннъ прогнѣвался, думая, что этимъ юродивый выражаетъ призрѣніе къ царю. «Не кипятись, Иванушка, сказалъ тогда св. Василій: надобно было заливать пожаръ въ Новгородѣ, и онъ залить». Тогда посланъ былъ нарочный въ Новгородъ, и оказалось, что блаженный сказалъ правду.

его племянникъ. Антоній часто ходилъ въ сосѣднія села и деревни, иногда для молитвы на цѣлый мѣсяцъ уединялся въ лѣсу, иногда ходилъ въ Задонскій монастырь. Однажды ночью, идя по лѣсу, онъ былъ окруженъ стаею волковъ, и, вынужденъ изъ-за пазухи бывший тамъ хлѣбъ, сталъ спокойно кормить ихъ. Но одинъ волкъ бросился на него и искусалъ ему икру лѣвой ноги. Добредя до дому, онъ спросилъ тряпку, насыпалъ на нее земли, привязалъ этотъ самодѣльный пластырь къ ранѣ, и рану затянуло; только на всю жизнь остался шрамъ.

Недоступная для людей духовная жизнь Антонія Алексѣевича, его невидимые людямъ подвиги дали ему великіе дары.

Антоній Алексѣевичъ, какимъ знали его въ послѣднія его десятилѣтія задонскіе богомольцы, былъ сгорбленный древній старикъ съ выразительными чертами лица. Одѣвался онъ въ русскій кафтанъ изъ толстаго бѣлаго сукна, подпоясывался краснымъ кушакомъ, носилъ на ногахъ суконныя онучи и кожаные коты. Не раздѣваясь и не разуваясь ни днемъ, ни ночью, онъ ходилъ всегда съ набитыми у пазухи различными предметами; и давалъ встрѣчнымъ, вынимая изъ-за пазухи, — кому камень, кому огурецъ, кому хлѣбъ.

Лѣтомъ Антонія Алексѣевича постоянно можно было встрѣтить въ монастырскомъ дворѣ. Его всегда окружала тутъ толпа богомольцевъ, которые желали получить отъ него что-нибудь на благословеніе или слышать отъ него какое-нибудь слово.

Вотъ два примѣра обращенія его съ народомъ.

Шли на богомолье въ Задонскъ двѣ женщины. Одна изъ нихъ считала себя великою грѣшницей, такъ какъ въ ея жизни было одно большое грѣховное дѣло, преступная любовь. Другая же почитала себя за честную, хорошую примѣрную женщину. Она жила въ согласіи съ мужемъ; былъ у нея большой порокъ — суевѣріе, но это заблужденіе насколько ее не беспокоило и не умаляло ея высокаго о самой себѣ мнѣнія. Приближаясь къ Задонску, они разговорились такъ.

— Вотъ, — сказала та, которая почитала себя грѣшницею, — идемъ мы ко святому мѣсту — а какъ мнѣ недостойной туда показаться. Вѣдь я въ такомъ тяжкомъ грѣхѣ. Молитва моя будетъ ли принята Богомъ?

— А за мною — такъ на совѣсти ничего нѣтъ, — сказала другая. — Благодарю Бога, мнѣ нечѣмъ себя особенно

попрекнуть. Живу по закону, какъ слѣдуетъ, совѣсть моя спокойна.

Въ такихъ чувствахъ подошли онѣ къ Задонску и пошли въ городъ. Имъ навстрѣчу идетъ Антоній Алексѣевичъ.

— Здравствуйте, — говоритъ онъ имъ: — пойдите сюда. Я вотъ вамъ задамъ работу. Ты, грѣшница, найди мнѣ большой камень — такой, какой поднять силъ хватить, и принеси его ко мнѣ... А ты, праведница, тоже принеси мнѣ каменьевъ — сколько снесешь, только все мелкими набери.

Женщины исполнили приказаніе старца. Принесши камни, одна сложила свой большой, другая высыпала изъ мѣшка свои мелкіе къ его ногамъ.

— Хорошо, — сказалъ старецъ. — Теперь сдѣлайте вотъ что. Вернитесь на тѣ мѣста, гдѣ вы взяли камни, и положите ихъ такъ, чтобы всякій пришелся на томъ самомъ мѣстечкѣ, на какомъ прежде лежалъ.

Женщина, принесшая тяжелый большой камень, легко нашла то мѣсто, съ котораго взяла его, и сложила его какъ разъ въ гнѣздо, которое онъ образовалъ своимъ лежаніемъ... Но совсѣмъ не то пришлось дѣлать другой. Такъ какъ камни ея были мелкіе, и она набирала ихъ изъ многихъ лежавшихъ по бокамъ дороги кучекъ, то, конечно, она перезабыла всѣ тѣ мѣста, гдѣ они лежали, и тщетно ходила, присматриваясь, нѣтъ ли какихъ слѣдовъ, по которымъ бы она могла узнать, откуда взяла ихъ... Ничего не сдѣлавъ, она съ тѣмъ же полнымъ мѣшкомъ вернулась къ старцу, между тѣмъ какъ другая женщина уже давно стояла спокойно передъ нимъ.

— Всѣ мѣста растеряла, ни одного не могла положить на свое мѣсто — сказала смущенная женщина юродивому.

— Ну, послушай меня теперь, — сказалъ старецъ. — Вы шли сюда и говорили о своей жизни. Ты осуждала себя и каялась, а ты хвалила себя и превозносила, а обѣ вы одинаково грѣшили, обѣ набрали равный грузъ грѣховъ. Бываетъ также, что человѣкъ, сдѣлавшій одинъ большой грѣхъ, не такъ обремененъ нечистотою грѣховною, какъ тотъ, который не совершалъ тяжкихъ паденій, но постоянно грѣшитъ мелкими проступками. Вотъ большой и тяжелый камень эта женщина подняла, принесла ко мнѣ и, забывъ, откуда его взяла, могла положить его на мѣсто: такъ бываетъ съ большимъ грѣхомъ. Такой грѣхъ сильно тяготитъ душу совѣстливаго человѣка и не даетъ душѣ покоя. Человѣкъ окаяваетъ себя, постоянно скорбитъ о томъ, что не сумѣлъ побороть искушенія, сознаніе грѣховности глубоко смиряетъ его, и

онъ можетъ тогда сказать съ царемъ Давидомъ: «Беззаконіе мое азъ знаю, и грѣхъ мой предо мною есть выну...» И, быть можетъ, когда грѣхъ давно разрѣшенъ милосерднымъ Богомъ, человѣкъ продолжаетъ оплакивать его и нести укоры людей. Не то бываетъ съ мелкими грѣхами: человѣкъ постоянно грѣшитъ, но часто и не хочетъ понять, какъ дурно онъ поступаетъ, а между тѣмъ эти, неважные по его мнѣнію, поступки образуютъ грѣховную привычку. Постоянно поблажая ей, все меньше и меньше люди склонны видѣть свою ошибку, и живутъ среди мелкихъ, но нераскаянныхъ и закоренѣлыхъ грѣховъ, не сознавая своего недостойнства, увѣренныя въ своей правотѣ, и осуждая другихъ, хотя и тяжко согрѣшившихъ, но кающихся грѣшниковъ. Такъ и вы, — обратился старецъ къ женщинамъ. — Она совершила въ своей жизни большой грѣхъ, и, идя сюда, каялась, какъ кается всю свою жизнь. Какъ тяжелый камень, виситъ онъ у нея на шеѣ: она помнитъ, когда приняла на себя эту ношу и съ ужасомъ вспоминаетъ и проклинаетъ мѣсто грѣха. Видя такое смиренное покаяніе, Господь помилуетъ ее и проститъ ей этотъ грѣхъ... А ты, — обратился онъ къ женщинѣ, считавшей себя частою, — не имѣла въ жизни такихъ паденій... Но ты не лучше ея, — она, разъ поддавшись грѣху, теперь строго оберегаетъ себя, а ты, точно не боясь согрѣшить, живешь въ небреженіи... А сколько у тебя мелкихъ грѣховъ — и не счесть... Принимая на себя тотъ судъ, который принадлежитъ одному Богу, ты судишь и рядишь людей: тотъ не гождь, другой еще хуже, третій не ладень... Какъ то дѣлаютъ язычники, ты предаешься глупымъ гаданіямъ... Упадешь у тебя со стола ножъ, ты кричишь: гости ѣдутъ! — Вѣрно, что такъ. Ёдутъ на твой крикъ гости. Да какіе? Враги, дьяволъ къ тебѣ ѣдетъ. — Не такъ, родная, надо жить... Натворишь ты за день грѣховъ, которыхъ по гордости и за грѣхи не считаешь и до ночи ихъ забудешь. Не перечешь всѣхъ твоихъ грѣховъ, и, заставъ тебя теперь припоминать, объяснять, чѣмъ грѣшна, такъ ихъ у тебя такъ много, что и сама не упомнишь, какъ и когда грѣшила. И тянутъ они тебя къ низу не менѣе грузно, какъ тяжесть одного смертнаго грѣха. Всѣ мы грѣшны, всѣ окаянны. Всѣ погибнемъ, если не помилуетъ насъ неизрѣченное милосердіе Божіе.

Конечно, такое наставленіе произвело благотворное дѣйствіе на обѣихъ женщинъ, смягчило горечь раскаянія одной и смирило другую.

Шла къ святителю Тихону на богомолье одна женщина,

гонимая свекровью. Не влюбилась она свекровь, и гнала и унижала, и томила работой, и постоянно укоряла, такъ что ей житья не было. Нрава она была кроткаго, тихаго, и никому не перечила, молча все сносила, только иногда украдкой плакала... Идутъ себѣ богомольцы медленнымъ шагомъ, гуськомъ и сзади всѣхъ понуро бредетъ молодая женщина, которой жизнь такъ тяжела... Идетъ она, и видитъ вдругъ: лежатъ на землѣ четки. Она ихъ подняла... Стали путники подходить къ городу, выходить къ нимъ навстрѣчу Антоній Алексѣевичъ, и говорить этой женщинѣ: «Тебѣ, смиренная раба Божія, святитель Тихонъ четки послалъ. Вѣдь это изъ его раки четки, съ его нетлѣнныхъ ручекъ».

И сама женщина и ея спутницы были поражены словами старца и въ смущеніи направились къ монастырю. Когда съ трепетомъ подошли онѣ къ рацѣ святителя, гробовой іеромонахъ спросилъ: «откуда у тебя эти четки?» Женщина рассказала, какъ нашла ихъ на дорогѣ и что ей говорилъ Антоній Алексѣевичъ.

Для провѣрки этого разсказа иноки подняли пелену съ мощей и, дѣйствительно, тѣхъ четокъ, которыя лежали раньше на рукахъ и были совершенно такія-же какъ тѣ, которыя женщина нашла на дорогѣ — этихъ четокъ на мощахъ не было. Тогда поняли, что святитель чуднымъ образомъ послалъ утѣшеніе женщинѣ, которая ни отъ кого въ жизни не видала добра, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, вразумилъ тѣхъ, кто особенно ее преслѣдовалъ. Утѣшенная женщина отдала четки къ мощамъ и послѣ горячей молитвы святителю, успокоенная и облегченная душой вернулась домой.

Вообще же, обыкновенно Антоній Алексѣевичъ говорилъ коротко и слово его прямо опредѣляло обстоятельство того лица, къ которому относилось. Часто находился онъ какъ бы въ неземномъ настроеніи духа, былъ необыкновенно кротокъ, послушенъ и обходителенъ.

— Сударикъ мой, — съ теплою лаской говорилъ онъ обыкновенно людямъ, приходившимъ къ нему съ горемъ: — я ничего: — такъ Богъ далъ; знать, такъ мать тебѣ обрекала. — И отъ этихъ простыхъ словъ становилось легко и отрадно на сердцѣ. То было дѣйствіе посланнаго ему д а р а у т ѣ ш е н і я.

Но были времена, когда его видали безпокойнымъ, неговорчивымъ, даже грознымъ. Видно было, что онъ велъ тогда борьбу съ духами злобы. И тогда ночи проводилъ онъ безъ сна, цѣлыя недѣли безъ пищи и питья. Онъ съ длинною

палкою въ рукахъ ходилъ или бѣгалъ по монастырю, точно выгоняя кого-то съ крикомъ: «экъ ихъ нашло сколько!»

Въ такое время сверкающій какъ молнія взоръ его проникалъ въ душу, и онъ безпощадно обличалъ людей, не разбирая ни званія, ни положенія.

Духъ прозорливости былъ очень силенъ въ старцѣ.

Въ одинъ изъ дней Ноября 1825 года, при прекрасной погодѣ, Антоній Алексѣевичъ въ самомъ тревожномъ состояннн духа бѣгалъ по монастырю и пѣлъ: «Вѣчная память», а къ полудню посреди монастырскаго двора сталъ слезно молиться, произнося: «Со святыми упокой, Христе, душу раба Твоего». Когда послѣ трапезы у него спросили, о комъ онъ молится, онъ отвѣтилъ: «Какъ же не лѣтъ, братцы, вѣчную память. Вѣдь въ Таганкѣ (т. е. въ Таганрогѣ) къ морю-то упалъ большой столпъ». Черезъ нѣкоторое время пришло извѣстiе, что въ Таганрогѣ скончался Императоръ Александръ I въ то самое число 19 ноября, когда такъ тревоженъ былъ и пѣлъ «Вѣчную память» Антоній Алексѣевичъ.

За нѣсколько лѣтъ до открытiя мощей святителя Тихона, говоря съ однимъ монахомъ, Антоній Алексѣевичъ, измѣнившись вдругъ въ лицѣ, громко воскликнулъ: «Сколько народу-то идетъ. Видимо-невидимо. Одинъ только Господь это знаетъ и моя душенька». На вопросъ монаха, куда этотъ народъ идетъ, отвѣчалъ: «Къ Оськѣ въ яму». Ямою онъ называлъ пещеру, гдѣ лежалъ святитель Тихонъ, до прославленiя, а Оською — iеромонаха Иринейя, около 50-ти лѣтъ служившаго при гробѣ святителя.

Одинъ чиновникъ вѣдомства Министерства Государственныхъ Имуществъ былъ оклеветанъ и лишенъ должности. Ёздилъ онъ оправдываться въ Петербургъ, но безплодно. Съ горя онъ запилъ. Однажды мимо его дома проходитъ Антоній Алексѣевичъ и говоритъ: «Полно тебѣ блажничать! берись-ка за дѣло. Богъ о тебѣ не забылъ». На другой день чиновникъ получилъ бумагу, утверждавшую его въ его прежней должности.

Знаменитый Воронежскiй архiепископъ Антонiй очень уважалъ соименника своего, который предсказалъ ему его кончину.

Однажды въ Воронежѣ, на бойкой улицѣ встрѣчаетъ блаженный 15-лѣтняго мальчика съ книгами въ рукахъ. Онъ останавливаетъ его, вынимаетъ изъ-за пазухи засаленный листъ бумаги, исписанный весь цифрами, и говоритъ: «Выростешь, голубчикъ, приходи въ Задонскъ жить». Уже

блаженный (въ 1851 г.) умеръ, какъ этотъ человѣкъ, въ 1874 году былъ назначенъ въ Задонскъ городскимъ казначеемъ. Черезъ 5 лѣтъ зайдя въ усыпальницу, гдѣ погребенъ блаженный, онъ прочелъ его имя на надгробіи, и какъ живую вспомнилась ему дальняя встрѣча его юности, о которой онъ и разсказывалъ со слезами.

Пріѣхалъ въ Задонскъ, еще до прославленія святителя Тихона, одинъ мірянинъ. Когда онъ выходилъ изъ пещеры святителя, къ нему подошелъ неизвѣстный тогда посѣтителю Антоній Алексѣевичъ и строго сказалъ ему: «Давно, давно тебѣ пора прійти сюда. Я все тебя ждалъ».

На вопросъ, кто онъ, Антоній Алексѣевичъ сказалъ: «Незачѣмъ тебѣ этого знать. Но я зналъ тебя, когда ты жилъ еще на сѣверѣ въ большомъ каменномъ домѣ. Ты тогда далъ обѣщаніе прійти сюда. Съ тѣхъ поръ я все ждалъ тебя».

Поразило посѣтителя это слово. Дѣйствительно, когда онъ учился въ Петербургѣ, въ кадетскомъ корпусѣ, онъ чувствуя тѣту міра, далъ себѣ слово быть монахомъ. Но въ послѣдствіи многія обстоятельства задержали исполненіе его намѣренія. Подъ вліяніемъ словъ Антонія Алексѣевича онъ немедленно просилъ настоятеля принять его въ число братіи. Въ послѣдствіи онъ самъ сталъ истиннымъ подвижникомъ. Его имя — о. Нафанаилъ.

Дѣйствовалъ въ старцѣ также и даръ исцѣленій. Одинъ монахъ ужасно страдалъ отъ нарывовъ на спинѣ и думалъ даже оставить свое послушаніе. Чувствуя его мысль, Антоній Алексѣевичъ сказалъ ему: «Куда ты думаешь отъ меня бѣжать, Николашка?» — и затѣмъ сталъ молиться, приговаривая: «Помилуй, Господи, Николашку». Послѣ трехъ молитвъ этихъ нарывы прорвались, и боль исчезла.

Другому молодому послушнику боль въ груди мѣшала пѣть на клиросѣ. Старецъ велѣлъ потерять грудь снѣгомъ и продолжать пѣть на клиросѣ. Грудная боль прекратилась навсегда.

Замѣчательно, что, когда блаженный хотѣлъ видѣть свое родное село Клиновое, онъ начиналъ заочно призывать своего правнука Ивана. На другой же день къ вечеру являлся въ монастырь правнукъ и объяснялъ: «Вчера напала на меня такая тоска по дѣдушкѣ, что радъ былъ хоть пѣшкомъ идти къ нему».

Уже описано, какъ одѣвался Антоній Алексѣевичъ. Лицо же у него было длинное, худое, сморщенное, острый носъ,

узенькая, клиномъ, борода; на головѣ короткіе взъерошенные волосы.

За годъ до кончины блаженный пришелъ въ Задонскъ въ домъ купленный незадолго до того помѣщицею А. В. Демидовой, и сказалъ ей: «Вотъ, я къ вамъ: такъ Богъ велѣлъ».

Этотъ домъ уже давно онъ называлъ с в о и м ъ.

Когда предъ смертью соборовали Матрону Наумовну Попову, онъ сказалъ: — «И я у Бога не забыть. Терпѣніе убогихъ не погибнетъ до конца». Онъ пережилъ эту великую подвижницу лишь на сорокъ дней.

«Мама, говорилъ онъ, заболѣвъ, г-жѣ Демидовой, пора мнѣ умереть: похорони меня. Похорони меня во спасеніе души въ монастырѣ и заплати за меня пять рублей». Когда та сказала себѣ, что едва ли можно схоронить за эти деньги, онъ, прозрѣвая ея мысль, прибавилъ: «Ну, пятьсотъ отдай. Хотя у тебя и былъ нынѣ недородъ хлѣба, да зато у меня его много. Вотъ, дастъ Богъ, я перейду, тогда и тебя возьму къ себѣ, мама. Да шей мнѣ новый бѣлый кафтанъ, нижнее бѣлье и купи новый кушакъ». За двѣ недѣли до Покрова онъ сталъ говорить ей: «Мама, пеки блины въ субботу подъ Покровъ». И въ эту самую субботу, 29 Сентября 1851 года онъ тихо почилъ на 120-мъ году.

Со всѣхъ сторонъ бездна народа стала сходиться къ его гробу и служить по немъ панихиды. Его схоронили въ усыпальницѣ, гдѣ покоятся другіе въ этомъ благословенномъ краѣ подвизавшіеся праведники. Блаженный являлся съ помощью людямъ и по своей кончинѣ.

СВЯТООТЕЧЕСКОЕ ТОЛКОВАНИЕ НА ЕВАНГЕЛІЕ ОТЪ МАТФЕЯ*).

10.

Кто ударить тебя въ правую щеку твою,
обрати къ нему и другую...

Мф. 5, 38-41.

Сравнивая Свои новозавѣтныя заповѣди съ ветхозавѣтными, Господь говоритъ: ВЫ СЛЫШАЛИ, ЧТО СКАЗАНО: ОКО ЗА ОКО, И ЗУБЪ ЗА ЗУБЪ. Строгимъ кажется намъ

*) См. «Вѣчное» №№ 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7-8, 9 и 10.

этотъ законъ, потому что мы воспитались подъ благодатнымъ вѣяніемъ духа Христовыхъ заповѣдей; но для ветхозавѣтныхъ людей и этотъ повидимому такой суровый законъ казался снисходительнымъ. По жестокости тогдашнихъ нравовъ, обиженный могъ бы отплатить обидчику за выбитый зубъ или выколотое око даже смертію, но законъ позволялъ ему за зло отплатить только равнымъ же зломъ, не больше. Такъ законъ сдерживалъ мстительность обиженного, устрашая и обидчика. «Законодатель предписалъ, замѣчаетъ св. Златоустъ, — о к о з а о к о — не для того, чтобы мы другъ у друга вырывали глаза, но дабы обидящій боялся подвергнуться тому же, чему подвергается онъ обижаемаго». Евреи не понимали духа этого закона и часто случалось, что наказанный обидчикъ раздражался и обижалъ еще больше, а обиженный снова старался ему отомстить, и зло такимъ образомъ возрастало. Желая показать, что и ветхозавѣтный законъ былъ въ сущности основанъ на любви къ ближнему, что онъ не для того былъ данъ, чтобы угождать мстительности человѣческой, а напротивъ — чтобы обуздывать ее и погашать зло, Христосъ Спаситель вырываетъ самый корень зла — любомстительность, и прямо указываетъ: въ какомъ расположеніи сердца христіанинъ долженъ встрѣчать обиды, если хочетъ поступать по духу закона, а не по буквѣ его: **А Я ГОВОРЮ ВАМЪ: НЕ ПРОТИВЬСЯ ЗЛОМУ.** Это не значитъ: вовсе не нужно наказывать всякое зло; защищать невинныхъ и наказывать злыхъ есть священная обязанность начальства, и апостолъ Павелъ называетъ начальника «слугою Божиимъ, отмстителемъ въ наказаніе дѣлающему злое» (Рим. 13, 4). Самъ Христосъ Спаситель бичемъ изгналъ изъ храма Божія оскорбителей святыни Его. Когда дѣло идетъ о славѣ Божіей, о спасеніи ближняго, тогда противься злу — дѣлай все, что можешь, чтобы зло прекратилось; но когда обида касается одного тебя, когда отъ нея нѣтъ никому другому вреда, а въ твоёмъ сердцѣ начинается кипѣть чувство мести: тогда — не противься злему. «Не говорить: не противься б р а т у, объясняетъ св. Златоустъ, но з л о м у, показывая тѣмъ, что братъ наноситъ тебѣ обиду по наущенію діавола, и такимъ образомъ, слагая вину на другого (на діавола), весьма много ослабляетъ и пресѣкаетъ гнѣвъ противъ обидѣвшаго. Противься лукавому такъ, какъ повелѣлъ Самъ Спаситель, то есть, готовностью терпѣть зло. Симъ образомъ ты, дѣйствительно, побѣдишь лукаваго. Ибо не огнемъ по-

гашаютъ огонь, а водою». НО КТО УДАРИТЬ ТЕБЯ ВЪ ПРАВУЮ ЩЕКУ ТВОЮ, ОБРАТИ КЪ НЕМУ И ДРУГУЮ. Побѣждай врага великодушіемъ и незлобіемъ. «Если такъ будешь поступать, то не будешь и чувствовать обиды, а обидчикъ твой, хотя бы онъ былъ люте всякаго звѣря, устыдится и не нанесетъ тебѣ другого удара: даже и за первый будетъ крайне обвинять себя, ибо ничто такъ не удерживаетъ обижающихъ, какъ кроткое терпѣніе обижаемыхъ: они изъ непріятелей и враговъ дѣлаются ихъ самыми близкими друзьями». Такъ и поступали св. угодники Божіи. Разъ святитель Тихонъ Задонскій прибылъ въ домъ знакомаго ему помѣщика, чтобы заступиться за обижаемыхъ имъ крестьянъ. Помѣщикъ, человѣкъ самолюбивый и вспыльчивый, заспорилъ. Святитель отвѣчалъ съ кротостію, но твердо. Тотъ вышелъ изъ себя и, наконецъ, забылся до того; что ударилъ святителя по щекѣ. Святитель ушелъ, но скоро вернулся и палъ въ ноги помѣщику, испрашивая у него прощенія, что ввелъ его въ такое искушеніе. Это до того поразило помѣщика, что онъ самъ зарыдалъ, упалъ въ ноги незлобивому святителю, заклиная простить его, и съ тѣхъ поръ сталъ давать крестьянамъ всякія льготы. — Преподобный Исаія говорилъ: «кто хочетъ воздать зломъ за зло, тотъ и однимъ мановеніемъ можетъ оскорбить совѣсть брата». — «Не думай, замѣчаетъ блаженный Феофилактъ, что здѣсь говорится только объ ударѣ въ щеку: нѣтъ, но и о всякой другой обидѣ». — И КТО ЗАХОЧЕТЪ СУДИТЬСЯ СЪ ТОБОЮ, И ВЗЯТЬ У ТЕБЯ РУБАШКУ, — которая дешевле верхней твоей одежды, ОТДАЙ ЕМУ И ВЕРХНЮЮ ОДЕЖДУ, болѣе цѣнную для тебя. «Спаситель хочетъ, говоритъ св. Златоустъ, чтобы мы показывали подобное незлобіе не только, когда насъ бьютъ, но и когда хотятъ отнять у насъ имѣніе». Впрочемъ не сказалъ: отдай просящему срачицу (верхнюю одежду), но «хотящему судиться съ тобою», то есть, если онъ влечетъ тебя въ судъ и хочетъ завести съ тобою дѣло. Но Спаситель хочетъ, чтобы мы не только терпѣли случайныя обиды и лишеніе имущества, но и самихъ себя не жалѣли, когда нужно любовью побѣдить вражду. Онъ говоритъ: И КТО ПРИНУДИТЬ ТЕБЯ ИДТИ СЪ НИМЪ ОДНО ПОПРИЩЕ, ИДИ СЪ НИМЪ ДВА, если заставитъ тебя насильно итти вмѣсто провожатаго, одну версту, иди съ нимъ двѣ. «Если бы, поясняетъ св. Златоустъ, кто захотѣлъ и самое тѣло твое подвергнуть тяжкимъ и изнурительнымъ трудамъ, и притомъ несправедливо, и на это будь

готовъ». Не жалѣй себя, когда видишь, что работая на другого по принужденію, ты можешь своею безотвѣтной кротостью спасти его душу. Святые угодники Божіи старались усвоить самый духъ животворящихъ заповѣдей Христовыхъ, а этотъ духъ есть любовь. Любовью они погашали зло въ самомъ началѣ, а причиняемыя имъ обиды обращали во славу Божію. «Люби, и любовь сама тебя научитъ, когда какъ лучше поступать», говоритъ блаженный Августинъ: «много добра можно сдѣлать и тому, кто самъ не желаетъ себѣ добра, если только будешь заботиться объ его пользѣ». Если ты поставленъ судьбою и будешь оправдывать воровъ и грабителей, то ты согрѣшишь противъ заповѣди о любви къ врагамъ, хотя бы тебѣ и казалось, что ты поступаешь такъ именно по любви къ нимъ. Защищай и свою собственность для своей же семьи, чтобы ради безсовѣстнаго грабителя не пустить семьи по міру. Отдавай хищника въ руки правосудія, чтобы онъ и другихъ не обокралъ и для его же пользы: чтобы исправить его наказаніемъ. Но дѣлай все это подобно тому, какъ врачъ даетъ больному горькое лѣкарство или отсѣкаетъ больной членъ, чтобы спасти жизнь больного. «Все у васъ да будетъ съ любовью», поучаетъ св. апостолъ Христовъ (I Кор. 16, 14). Нельзя и перечислить всѣ тѣ злостраданія, какія потерпѣлъ апостолъ Павелъ и отъ Іудеевъ, и отъ язычниковъ: но когда считалъ это нужнымъ для славы Божіей то не молчалъ, а обращался къ суду начальства и отвѣчалъ съ укоризной на приказаніе бить его по устамъ. Когда Сарацины попрекнули просвѣтителя Славянъ св. Кирилла, что христіане забыли заповѣдь Христова о любви къ врагамъ и выходятъ воевать противъ нихъ, то мудрый философъ отвѣчалъ имъ: «Христосъ велѣлъ намъ любить враговъ, но Онъ же заповѣдалъ намъ: «Нѣтъ больше той любви, какъ если кто положитъ душу свою за друзей своихъ» (Іоан. 15, 13). Поэтому мы терпимъ обиды, причиняемыя каждому изъ насъ отдѣльно, но въ обществѣ защищаемъ другъ друга и полагаемъ свою жизнь за братій нашихъ, дабы вы, увлекая ихъ въ плѣнъ, не склонили благочестивыхъ къ своимъ богомерзкимъ дѣламъ». — Да и Самъ Божественный Законодатель, когда дерзкій слуга первосвященника ударилъ Его въ ланиту, не промолчалъ, не подставилъ ему другую ланиту, а кротко сказалъ: «если Я сказалъ хорошо, что ты бьешь меня?» (Іоан. 18, 23). Это было для злодѣя вразумительнѣе безмолвнаго терпѣнія. Но Онъ же потомъ въ молчаніи переносилъ всѣ ругательства воиновъ на дворѣ Пилата...

(Продолженіе слѣдуетъ).